

Имя автора конкурсной подборки будет объявлено 6 июня 2016 года в итоговом протоколе конкурса.

ЧЕРДАЧНЫЙ МИР

Матёрый

Метелило. Смеялась дико ночь,
Затягивалась дымкой беспросветной.
Морозное седое волокно,
Примявшее степные сухоцветы,
Сугробами ложилось тут и там
В неистой колючей круговерти.
Раскалывалось небо пополам.
У старенькой кошары сиплый ветер,
Встряхнув на крыше связку камышей,
То выл протяжно, то надрывно плакал,
Заглядывая в кровельную щель.
А там внизу, среди овец и мрака,
Разрубленного ламповым лучом,

Матёрый волк, припав к земле промёрзлой,
Вдыхая прелый воздух горячо,
Смотрел колючим взглядом: страшным, грозным,
Как в слабых человеческих руках
Чудовищно поблескивают вилы,
Как потом проступает вражий страх
И капает на ветхие настилы.
Пастух – совсем мальчишка, для него
Такое столкновение в новинку.
От ужаса качая головой,
Нахмурившись, и грозно выгнув спину,
Он ждал прыжка и чувствовал, что твердь
Становится непрочной и воздушной,
Что где-то у затылка дышит смерть,
А жизнь глядит насмешливо-бездушно.
...От плача задыхался вьюговей,
Отчаянно хлестал кнутом по крыше.
Он видел, как летит на вилы зверь,
И с тяжелой ношей падает парнишка.

Чердачный мир

Плыл осенний рассвет: осторожный, неслышный.
Через ветхие балки чердачной келейки
Заползал тихо в дом, трогал стены и крышу,
По-отечески гладил прогнившие рейки,
Поднимал на руках неуклюжего солнца
Черепичную пудру, растёртую с пылью.
Паутина летала, свои волоконца
Расправляя, как будто затёкшие крылья.
Оживали тотчас позабытые вещи:
Допотопные кресла, разбитая скрипка,
Фотография юноши в обществе женщин,
Чемоданчик, плетёная детская зыбка.
И рассвет становился уверенней, громче,
Разливался по дряхлому дому всё шире,
Он любил прикасаться к святыням... А впрочем,
Просто к старому хламу в заброшенном мире.

Дети войны

В холодной обездоленной Москве,
Кроившей гимнастерки и шинели,
Мне снился новомарьевский* рассвет.

Конкурсная подборка 346. «Чердачный мир»

Автор: Оргкомитет
22.04.2016 09:00

Я видел: созревали и желтели
Огромные пшеничные поля,
Колосьями, вырастающими в небо;
Турлучные хатёнки поселян,
Где пахло завсегда печеным хлебом.
Я ел его горячим. И во сне,
Голодном, лихорадочном и горьком,
Казалось, будто не было вкусней
Ломтей его с янтарно-желтой коркой.
А бабушка стояла у печи:
Уставшая, счастливая. Живая!
И тесто превращала в калачи,
Пекла их, из горнила доставала,
Укладывала выпечку горой
Привычными движеньями, умело.
А я не мог наестся, и нутро
От голода сжималось и болело.
Сон таял с первым криком петуха,
Для города – чужим и непривычным.
Очнувшись, я то плакал, то вздыхал,
Смотря, как спит, раскинувшись сестричка.
И злая бесконечная тоска
Стучала в непротопленные стены,
Которым, как и мне, наверняка,
Всё снился хлеб. Горячий. Довоенный.

* Новомарьевская станица (Ставропольский край)

